

Максим Чекмарёв. Стихи.

Вечерний дождь сбивает с яблонь цвет,
Вечерний дождь стучится в твердь асфальта.
Он взял в одну лишь сторону билет:
На землю – вниз. Судачить перестаньте,
Что он пришёл не к месту. Отворят,
Закрыв зонты, готовые к безумствам.
Они, наверно, чаще всех стучат,
Потом толкают дверь. За дверью пусто...
И в тихом коридоре, наконец,
В бесшумной темноте весенней ночи
Мы обретём невидимый венец
Любви к пространству одиночеств.

Я сказать хотел бы что-то новое,
Да всё главное, наверно, сказано:
Доброе, тревожное, суровое,
Ироничное, простое и бессвязное...
Можно я отвечу лишь молчанием
И улыбкой глаз немного сонных.
Хватит Богу наших замечаний,
Самообвинений и поклонов.
Я бы сел с Ним рядом на скамейке
И болтал ногами, как ребёнок.
Что мне дела до судьбы-злодейки,
Если Бог со мной ещё с пелёнок.
Спорить, мыслить, драться за идеи,

Но к Нему никак не приближаясь, -
Частая, но глупая затея,
Я в ней сам себя порой пугаюсь.
Можно проще – говорить и слушать,
Рядом быть с Отцом, Творцом и Другом,
Наполняя жизнью разум, душу,
Ввысь идти, а не бродить по кругу.

Перед сном

Я пишу эти строки, и время к полуночи
Тихо движется, мне сообщая свой ритм.
Угловатыми гранями старенькой тумбочки
Собираю в стихе перекрестия рифм.
Чтобы снег на асфальт мелкой крошкой падая,
Мельтешеньем своим в свете редких окошек
Вдруг напомнил о мыслях глубоко запрятанных,
Неделимых на группы плохих и хороших.
И всплывают они к яркой точке сознания
Посмотреть мне в глаза, растворяясь неспешно,
Став простым достоянием бытописания,
Словно в чае горячем я сахар размешивал.
Все обиды, печали, минутные радости
И гневливое лёгкое щёк полнокровье
Отступают и тают, признав свои слабости
Перед вечными Верой, Надеждой, Любовью.
Я и сам улыбнусь, преклоняя колени,
Поразившись внезапно открывшейся вечности.
Не вместят нашу душу телесные стены,
Когда станет готова она к бесконечности.

Мы, обнявшись, с тобой засыпаем, и кажется,
Что прошедшего дня суетливая муть
Через пару мгновений успешно уляжется,
Открывая во сне жизни самую суть...

Зимней ночью я в небо смотрю. Ощущаю вращение
Сфер небесных и сферы земной под ногами.
Ощущаю свободу, но вместе - ещё возвращение
Диких страхов, порою владеющих нами.
В них спасаются бегством все мысли родные, серьёзные,
Пониманье привычного вдруг ухитрившись украсть.
Я боюсь, засмотревшись на небо чернильное, звёздное,
Оторвавшись от почвы, в него вверх ногами упасть.

Тает корка ледовая,
Меж проталинок проседь,
Поле, сбросив оковы,
Перейдёт снова в осень.
Запах прелой листвы.
Треск в лесу сухостоя.
Шумом новой молвы
Дождь деревья омоет.
Я стою под дождём:
Грусть нечаянно бросит
Ярко-рыжим комком
В сердце вечную осень...

Созревая, укрепляясь, расцветая,
Ловишь дней весенних дуновенье.
Кисти рук в луч солнечный вплетая,
Замыкаешь золотые звенья.
У источника кувшин уже разбился,
Колесо колодезя распалось:
Воплотившись, вдруг развоплотился,
Сладкую почувствовав усталость.
Древенея, пожелтев и опадая,
Принимаешь осени причастье.
Сердце тает, улетают стаи,
В даль небес закидывают снасти.
Проверяя запах и прозрачность,
Мироварник старый улыбнётся.
Как посмотришь в мир чуть-чуть иначе,
Так услышишь, как душа проснётся.

*

Летний воздух душистый, жаркий и плотный,
Полупрозрачный и полудремотный
Мягко колышут сирени и тополи.
Мы в этот вечер по берегу топали
Тихой реки, и речное дыхание
Нас осеняло прохладным касанием,
И окрыляло, и возносило,
И к заходящему солнцу стремило.
Тёплый песок босыми ногами
Мы загребали, и следом за нами
Всё повторяли длинные тени.

Взявшись за руки навстречу слиянию
Глади речной и заката сияния
Шли, и сердца нас обоих истории
Тахикардиями и перебоями
Стали рассказывать. Наше молчание
Душам открыло простор понимания.
За горизонты любимого взгляда
В час столкновенья жары и прохлады,
Ночи и дня мы сумели проникнуть.
К чувству любви невозможно привыкнуть...
Пламенем не обжигающим, словно
Лучик заката, снова и снова
Грани мои и твои расплавляя,
Душу двоих в одну душу сливая
Трудились упорно любовь и солнце,
Чтоб подарить обручальные кольца.
Душа моей Родины
Радость моя –
Тишина,
Когда слышно, как бьётся сердце России.
Нет, душа моей Родины не темна.
Я видел – она золотая с оттенком серебряно-синим.
Русь –
Самородок земли,
И на ней тихих рек жилы
Вместо дорог пролегли
Летом – жидких, зимой – застылых.
Только здесь

Тишина

Наполняет и смерть, и жизнь.

Нет, душа моей Родины не темна!

Не веришь? Пристальнее всмотрись...

Наступает внезапно предчувствие осени,

Когда сердце из камня становится золотом.

Этот миг откровенья не ждёшь и не просишь,

Поэтому он оглушает, как молотом.

Листопадными тропами и переулками

Ты пытаешься скрыться, вернуться к привычному.

Кровь в висках всё торопит ударами гулкими

И бросает, играя, на стены кирпичные.

Всё так пусто, так слёзно, темно и неясно,

Но наполнено верой, поэтому держится.

Днём и жёлтым, и медным, и огненно-красным

Душа с телом едины, но всё же не смешиваются.

На скамейке под клёном отпустит тревога,

Мне покой не вернув, не оставив в наследство

Пару чётких следов на тернистой дороге

В память об отзвучавшем духовном детстве.

У подножия клёнов течёт ручей,

У сарая растут лопухи и мята,

Треугольно и угловато

Отпечатались лапки грачей

В глине рыжей и комковатой.

Говорю я себе «Опростей,

Стань полынью у перекрёстка,
Деревянной рамой окна,
А напротив него — стена
Выбеленная извёсткой.
И тогда, наверно, сполна,
Я почувствую, что есть «просто»...
Просто жить, словно мелкий дождь
Тихо падать на тротуары,
На асфальт узких улиц старый.
Тонких пальцев привычную дрожь
Над неслушной струной гитарной
Призадумавшись, переждёшь
И ударишь, аккордом случайным
Крик души, вырвавшись, погаснет.
Не умею играть, но ясно -
Можно смыться из лап отчаянья.
Вспышка гнева и та погаснет,
Когда сложность была нечаянной.
Когда эта цепочка мыслей
Кроме «есть» прибавляет «будет»,
«Было», «как», «что подумают люди»,
То, касаясь высоких смыслов,
Ты завален ментальной грудой
Отборного псевдоглубокомыслия.
И тогда берёзы и клёны,
Закаты, радуга шире неба,
Запах горячего хлеба,
Чей-то взгляд глубокий, влюблённый.

Остаются за рамками, словно не был
В этой жизни от чуда бездонной.

Подари мне новый день, который
Ярче солнца, необъятней моря.
День, в который я могу любить, и столько
Чувствовать и искренне и тонко,
Что проснуться можно даже дважды:
Ото сна и от привычки каждой.
Сердцем паче снега убелиться,
Закипеть и тотчас испариться
Облаком. Я возвращусь дождём,
Чтоб гулять нам под одним зонтом...

Снежно, не холодно, а из окна горизонт
Виден до самого солнца, ушедшего в завтра.
Едем полями, дорога манит меня в сон,
То укачав, то будя сотрясеньем внезапным.
Кажется мне, что дорога сейчас — колыбель,
В ней я, окуклившись, спрятан в задумчивый кокон.
Стрелки часов и круженья колёс карусель
Мчат по пути, затерявшемся в небе высоком.
Знаю — приеду домой, словом, выйду на свет,
Словно бутылка вина из подвала угрюмого замка,
Полный и мыслей, и чувств, скажу тихо «привет»
Солнцу, настигнутому нас в наступающем завтра.

Холодны и вспотели ладони — волнуюсь.
Так всегда: где любовь, там и ценность момента растёт.
Помнишь, как неуверенно, и покраснев, и тушуясь,
Я в театр тебя приглашал в самый первый студенческий год.
Как подкладывал к розам в букет пару веток черёмухи,
Чтоб живую весну подарить, а не только цветы,
И всегда ощущал себя просто расцветшим подсолнухом,
Он — за солнышком крутится, а моё солнышко — ты.
Семь небесных кругов, и семь лет мы с тобой уже рядом,
Как иголочка и ниточка в вышивке жизни единые,
Продолжаем узор из капелей и листопадов
Теплотою, заботой, верностью голубиною,
Пробуждением и сном, и серьёзностью, и беспечностью.
А меж тем перед Богом у нас безымянные пальцы
Золотой опечатаны верой, любовью и вечностью,
Что однажды начавшись сквозь все горизонты протянется.
Вот согласная жизнь — как молитва и священнодействие,
Как служение, радость, и разом покой и полёт,
Лишь одна в освящении нового целого действенна,
В ней семейная жизнь развивается, крепнет, растёт...

Когда случится припадок лирический,
Как врач я понять не в силах:
Клонически или тонически
Душа и слова конвульсируют?
И кто я в такие моменты:
Я *мыслю*? И мыслю ли я?
И что означают фрагменты

Такого вот бытия?
Разорванная завеса
И слепящий свет заката...
Дорога мне неизвестна,
Но всё же иду куда-то.
Случаются или сбываются?
Сбиваются мысли словами.
Библейские фразы качаются
В море сознания стихами.
Они продиктованы Богом
И в сердце записаны светом.
Ответь мне, зачем так много
Ты чувств диктуешь поэтам?
И льётся вода живая,
И движутся сотни рук,
И льёт Он, не видя края,
Чтоб мир оросить вокруг.
И сам же потом прорастаешь
В созвучья и рифмы манящие.
Кристалликом соли растаешь...
И что же тогда настоящее?
Благословляю Сотворенья миг,
Где в водах Божий отразился лик,
Тебя, меня и мир весь замышляя...
друга надеемся...

Нет смысла не плакать. Бессмыслена сила бесчувствия
И пошл оптимизм, если сердце умеет страдать.

Душа, вдохновлённая скорбью, способна летать,
Да так, что на землю никак не опустится.
Да, можно смеяться. Но лучше всегда над собой,
Над глупой и милой в любви неуклюжести.
И слабость признать дай мне, Господи, мужества,
Дай быть хоть немножко в печали Тобой.
Обняв на кресте этот мир безалаберный
И злобный в неведеньи, Ты умирал.
Воскреснув, его без остатка вмещал
Биением духа четырёхкамерным.
Смирненное сердце сильнее, чем сжатый кулак,
И силой слезы, словно атомной бомбой духовною
Верши революцию сердца бескровную,
В которой мудрец признаётся, что он лишь дурак.
Колена преклонены... Родина тихая, мирная –
Страна, что умеет прощать и поэтому жить,
Любовью солёное море до дна иссушить
Гвоздями и деревом, золотом, ладаном, смирною.
У нас на Руси кто без веры – считай негодяй.
Мечтать не умеет, а дух без мечты полон трусости.
И жизнь без мечты задыхается от безыскусности,
Хоть сколько стараний отчаянно не прилагай.
Пустым в простоте не пугайся прослыть. Мы как голуби,
Но также как змии мудры. Вот такая душа!
А также умеем любить сильно, но не спеша
Терять от влюблённости русую голову.
Быть русским не стыдно, но гордость от русскости – вздор!
А стыдно предать тех, кому ты всей жизнью обязан.

Я рад за нас - тех, кто с Россией рождением связан,
Готовых в ней жить, даже дьяволу наперекор!

Помнишь, промокли до нитки, помнишь, бежали стройками,
И через луж океаны я тебя переносил.
Дождик стучал каплями, ты - в унисон - набойками,
Я вторил мерным топотом, впрочем, по мере сил.
От козырьков к навесам краткими перебежками
Двигались мы с улыбкою, хлюпаньем в башмаках,
И оставались чуткими, очень друг к другу нежными,
Даже шагать под дождиком полкилометра устав...
Помнишь, вернулись мокрыми, только в глазах искорки
Грели сильнее, чем самый горячий зелёный чай.
Мы друг на друга смотрели с любовью и очень пристально,
Как и сегодня. Но дождик тот чаще ты вспоминай!